

Димитриева Ольга Альбертовна

ГЛАГОЛЫ С ИТЕРАТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В РУССКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА Н. В. ГОГОЛЯ "ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ")

В статье анализируются средства передачи значения повторяемости, выражаемого итеративными глаголами в русском и чувашском языках. Для чувашского языка характерны такие способы передачи значения итеративности как видо-временная форма (прошедшее многократное); аналитические формы глагола (сочетание деепричастия полнозначного глагола на -са/-се и вспомогательного глагола в спрягаемой форме); редупликация основы звукоподражательных слов в форме деепричастия на -а/-е, аффикс повторяемости -кала/-келе-.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 65-68. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.161.1'366+811.512.111'366

Филологические науки

В статье анализируются средства передачи значения повторяемости, выражаемого итеративными глаголами в русском и чувашском языках. Для чувашского языка характерны такие способы передачи значения итеративности как видо-временная форма (прошедшее многократное); аналитические формы глагола (сочетание деепричастия полнозначного глагола на -са/-се и вспомогательного глагола в спрягаемой форме); редупликация основы звукоподражательных слов в форме деепричастия на -а/-е, аффикс повторяемости -кала-/-келе-.

Ключевые слова и фразы: языковая картина мира; концептуализация действия; способ глагольного действия; итеративные глаголы; мультипликатив; семельфактив.

Димитриева Ольга Альбертовна*Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева**olgaal_79@mail.ru***ГЛАГОЛЫ С ИТЕРАТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В РУССКОМ И ЧУВАШКОМ ЯЗЫКАХ
(НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА Н. В. ГОГОЛЯ «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»)©**

В современной лингвистике язык рассматривается как средство специфического отображения реальной действительности. С. Г. Тер-Минасова приводит одну из распространенных метафор о языке «язык – это зеркало окружающего мира» [10, с. 44], в языке отражается видение человеком мира, история, культура, география народа и т.п., поэтому «зеркало может быть названо кривым, поскольку отражает не объективно-равнодушную картину мира, а субъективную, свойственную данному народу, пропущенную через его разум и душу» [Там же, с. 85]. Своеобразный взгляд на мир выражается в национальном характере, менталитете того или иного народа. Как отмечает А. Вежибicka, «Языковой менталитет – это наш способ жить, думать и разговаривать» [Цит. по: 6, с. 66]. Традиционно особую значимость при изучении национальной картины мира придают лексическим, лексико-фразеологическим средствам языка. О. А. Корнилов, признавая значимость синтаксиса и морфологии как источника информации о национальном мышлении, приоритет отдает лексико-фразеологической системе языка (подробнее см.: [Там же, с. 106]). Но есть и другое мнение, согласно которому в грамматике языка отражается способ национального мышления (подробнее см.: [8, с. 226-254]). «Лексическая система русского языка тяготеет к образному и конкретному представлению явления или ситуации, а лексика французского, итальянского, английского языков – к отвлеченному, обобщенному представлению» [7, с. 125]. Так, Т. Б. Радбиль приводит пример с английским глаголом *to go* / идти, который имеет около 40 значений (а русский – 7), и отмечает, что русскому языку свойственно более конкретизированное представление оттенков предмета, признака, действия. Для некоторых языков неважны несущественные оттенки смысла [7]. Семантическая система любого языка отражает только ту объективную и субъективную действительность, которая важна и значима для коммуникации и деятельности (подробнее см.: [13]). Таким образом, с одной стороны, в языке отражаются, «запечатлеваются» культурные, исторические, географические особенности в силу значимости их для носителя языка на определенном этапе, но, с другой стороны, человек смотрит на явления объективной действительности сквозь призму своего языка, замечает их, выделяет, фиксирует.

В русском языке есть особый способ концептуализации действия – это способ глагольного действия, в котором отражаются качественные и количественные характеристики действия (подробнее см.: [1; 9; 12]). В данной статье подробно рассматривается один из аспектов количественной характеристики действия (мультипликатив) и возможности его передачи в чувашском языке. Как отмечает В. С. Храковский, «количественные характеристики действий в ходе исторического развития общества начали осознаваться позже количественных характеристик предметов» [11, с. 7], т.к. ситуации с однородными предметами просты, нежели ситуации с несколькими однородными действиями, которые могут совершаться разными субъектами или в разные периоды времени [11]. В. С. Храковский выделяет семантические типы множества ситуаций: мультипликатив (составляющая которого семельфактив), дистрибутив, итератив.

Для мультипликативного типа множества характерен одинаковый набор актантов и повторение происходит в один период времени – это, как правило, глаголы, которые обозначают физические действия человека, воспринимаемые органами чувств (подробнее см.: [Там же, с. 25]).

С деривационной точки зрения выделяются два типа мультипликативов: лексический (непроизводные глаголы) и грамматический (со словообразовательными показателями). Чувашский язык является языком агглютинативного типа, входящим в семью тюркских языков болгарской группы [14, с. 527]. В чувашском языке грамматический способ образования множественности представлен двумя вариантами: формообразовательным (отдельная видо-временная форма глагола – прошедшее многократное) и словообразовательным (с собственно словообразовательными аффиксами).

В чувашском языке существует два прошедших времени: прошедшее однократное / *пёрре иртнĕ вăхĕт* и прошедшее многократное / *темиçе иртнĕ вăхĕт*. Прошедшее однократное по-другому называют прошедшим

очевидным, т.к. говорящий выступает в роли свидетеля действия или это действие совершается им самим. Позиция наблюдателя в нарративном режиме получает грамматическое выражение (прошедшее очевидное). Для обозначения прошедшего времени, в котором не участвовал сам говорящий или очевидцем которого он не является, используется причастие на *-нӑ/-нӗ*. Прошедшее многократное обозначает действие повторяющееся, длительное (подробнее см.: [2]). Так, для передачи многократного способа действия в чувашском языке используется прошедшее многократное: Учитель российской грамматики, Никифор Тимофеевич Деепричастие, **говаривал**, что если бы все у него были так старательны, как Шпонька, то он не носил бы с собою в класс кленовой линейки, которую, как сам он признавался, уставал бить по рукам ленивцев и шалунов («Иван Федорович Шпонька и его тетушка») [4, с. 173]. / *Вырӑс грамматикине вӗрентекен Никифор Тимофеевич Деепричастие ҫапла каласа паратчӗ, нурте Шпонька нек тӑрӑшса вӗреннӗ пулсан, вӗренерен тунӑ линейкӑна класа илсе ҫӳремен пултӑтӑм, тетчӗ* [3, с. 217]; Покойный батюшка ваш, дай боже ему царствие небесное, редкий был человек. Арбузы и дыни всегда **бывали** у него такие, какие теперь нигде не найдете («Иван Федорович Шпонька и его тетушка») [4, с. 186]. / *Арбуземне дыньӑсем унӑн яланах ҫав тери шултра пулатчӗҫ, ун пеккисем халь ништа та тупӑймастӑр* [3, с. 233].

Итеративные глаголы в русском языке обладают количественно-интенсивными оттенками. При переводе на чувашский язык в зависимости от акцентирования на том или ином аспекте действия (например, выделение смягчительности или, наоборот, интенсивности) выделяются разные способы передачи итеративности глагольного действия.

Так, мультипликативность выражена с помощью аффикса *-кала/-келе-*, который обозначает «смягчительную повторяемость действия», т.е. указанный аффикс используется при переводе таких способов глагольного действия, как прерывисто-смягчительный, процессно-смягчительный и процессно-комитативный.

И, **посмеиваясь** и **покачиваясь**, побрел он с нею к своему возу... («Сорочинская ярмарка») [4, с. 23]. / *Тайӑлкаласа та кулкаласа, хӗрӗне пӗрле вӑл хӑй лавӑ патнелле утрӗ* [3, с. 22]; Ведь мы, ей-богу, братцы, по пустякам проехали сюда! – продолжал он, **прихлебывая** из глиняной кружки («Сорочинская ярмарка») [4, с. 29]. / *Эпир вӗт, тупата, тӑванӑмсем, ахалех килтӗмӗр кунта! – ҫаплах-ха чарӑнмасӑр, тӑм курқаран сыпкаласа каласрӗ вӑл* [3, с. 29]; ...кричала баба в козацкой свитке, с фиолетовым носом, **размахивая** руками («Ночь перед Рождеством») [4, с. 130]. / *...кӑшкӑрӑшма тӑтӑнчӗ пӗр хӗрлӗрех сӑмсаллӑ та козак свитки тӑхӑнса янӑ хӗрарӑм, аллисемне хӑлаҫланкаласа* [3, с. 161]; Долго стояла Оксана, **раздумывая** о странных речах кузнеца («Ночь перед Рождеством») [4, с. 118]. / *Тимӗрсӗн мӗне пӗлтернине тавӑрса илме хӗнрех сӑмахӗсем ҫинчен Оксана чылайччен шухӑшлакаласа тӑчӗ* [3, с. 146].

«В тюрк. яз. широко представлены так называемые “бивербальные” итеративные конструкции с глаголами *тур-* 'стоять', *юр-* 'ходить' и некоторыми другими и деепричастием на *-б/-п* полнозначного глагола...» [11, с. 45]. В чувашском языке этот способ используется для передачи значения итеративных глаголов – «программа из двух действий», т.н. «аналитические глагольные конструкции» [5, с. 21] – деепричастие на *-са/-се* полнозначного глагола часто с аффиксом повторяемости *-кала/-келе-* и спрягаемая форма глагола:

(1) – Мне какое дело? – проворчал, **потягиваясь**, лежавший возле него цыган, – хоть бы и всех своих родичей помянул («Сорочинская ярмарка») [4, с. 33]. / *Мана мӗн ӗҫ? – кӑмӑлсӑррӑн мӑкӑртатса, карӑнкаласа илче ун сӳмӗнче вьртӑкан цыган. – Манийӑн пулсан, мӗннур тӑванӗ-хурӑнташине асӑнтӑр* [3, с. 34]; (2) Знаю, что много наберется таких умников, **пописывающих** по судам и читающих даже гражданскую грамоту, которые, если дать им в руки простой Часослов, не разобрали бы ни аза в нем, а показывать на позор свои зубы – есть меньше («Вечер накануне Ивана Купала») [4, с. 42]. / *Пӗлетӗп, судсенче ҫыркаласа ларакан ӑслӑ пуҫсем пайтах тупӑнасҫӗ ӗнтӗ, чиркӑ валли кӑларман кӗнекесене те вуласҫӗ вӗсем, хӑйсене ахаль часослов тьттарас-тӑк, пӗр саспаллине те лайӑххан тавӑрса илеймен пулӗччӗҫ, анчах намӑснемӗнне пӗлмесӗрех ҫын умӗнче шӑл ерме пӗлесҫӗ вара* [3, с. 47]; (3) Козак идет по улице, бренчит рукою по струнам и **подплясывает** («Майская ночь, или Утопленница») [4, с. 55]. / *Урампа пынӑ май вӑл бандура хӗлӗхӗсене турткаласа ташлакаласа илет* [3, с. 67]; (4) **Распекает** он теперь в той хате, где держат колодников («Майская ночь, или Утопленница») [4, с. 71]. / *Колодниксене хупса усрамалли пӳртре юрласа ларать вӑл халь* [3, с. 87]; (5) «Нет, тут не на шутку сатана вмешался», – думал он, сильно **почесывая** свою макушку («Майская ночь, или Утопленница») [4, с. 74]. / *«Ҫук, ку ӗсе чӑнах та шуйттан хутиӑнӑ пулмалла», – шухӑшларӗ вӑл, пуҫ тӳпине хыҫкаласа илсе* [3, с. 91]; (6) Но если бы, однако ж, снег не крепил взад и вперед всего перед глазами, то долго еще можно было бы видеть, как Чуб останавливался, **почесывал** спину, произносил... («Ночь перед Рождеством») [4, с. 108]. / *Чуб мӗнле утнине чылайччен курма пулатчӗ. Хушӑран вӑл чарӑнкаласа тӑрат, сурӑмне хыҫкаласа илет* [3, с. 122]...; (7) Вот еще вам примета: когда ходит он, то всегда **размахивает** руками («Иван Федорович Шпонька и его тетушка») [4, с. 173]. / *Акӑ тата тепӗр паллӑ: утнӑ чух вӑл кирек хӑҫан та аллисене сулкаласа пырат* [3, с. 216]; (8) «Ай! ай, ай!» – **покрикивал** только дед, ударив во всю мочь; и как добежал до попова огорода, тогда только перевел немного дух («Заколдованное место») [4, с. 201]. / *«Ай! ай, ай!» – кӑшкӑркаласа кӑна пырат асатте мӗннур вӑйран чупнӑ хушӑра, пуп пахчи тӗльне ҫитсен тин кӑштах сывлӑш ҫавӑрса илчӗ* [3, с. 252]; (9) Оглянувшись, увидела она толпу стоявших на мосту парубков, из которых один, одетый пощеголеватее прочих, в белой свитке и в серой шапке решетиловских смушек, подпершись в бока, молодецки **поглядывал** на проезжающих («Сорочинская ярмарка») [4, с. 18-19]. / *Ҫаврӑнса пӑхрӗ те вӑл, кӗпер ҫинче пӗр ушкӑн иӗкӗт тӑнине курчӗ. Вӗсенчен пӗри, ыттисенчен шукӑлрех тумланни, шурӑ свитка, Решетиловкӑри путек тирӗнчен сӗлетнӗ кӑвак сӗлӗк тӑхӑнӑскер, пилӗкне тьтса саркаланса тӑнӑ та, иртсе каяканнисем ҫине маттуррӑн пӑшкаласа тӑрат* [3, с. 15].

Как видно из примеров, используются три способа передачи значения итеративности – это сочетания глагола в форме деепричастия на *-ca/-ce* с аффиксом повторяемости *-кала/-келе-* и:

1) спрягаемой формы глагола *ил* «брать, взять» (примеры 1 – *илчĕ* – глагол в форме прошедшего однократного 3-го лица единственного числа; 3, 6 – *илет* – настоящее время 3-го лица единственного числа) или в форме деепричастия *илсе* (пример 5); глагол *ил* актуализирует дополнительное делимитативное значение «кратковременность, ограниченность действия во времени», «немного, недолго». Для сравнения отметим, что в английском языке конструкция *have a walk, have a chat* также выражает дополнительное делимитативное значение [15];

2) спрягаемой формой глагола со значением «положение в пространстве» (примеры 2, 4 – *ларакан* «сидящий», *ларать* «сидит»; 9 – *тăрать* «стоит») – здесь подчеркивается «постоянство, фиксированность действия»;

3) спрягаемой формой глагола со значением движения (пример 7, 8 – *пырать* «приходит, идет»).

В некоторых случаях значение итеративности передается за счет редупликации основы деепричастия на *-a/-e*: Много прохожих **поглядывало** с завистью на высокого гончара, владельца сих драгоценностей, который медленными шагами шел за своим товаром, заботливо окутывая глиняных своих щеголей и кокеток ненавистным для них сеном («Сорочинская ярмарка») [4, с. 17]. / *Çак хаклă япаласен хуши çине ну-майăшĕ кĕвĕçсе пăха-пăха илнĕ. Вăл вăрăмскер, хăйĕн таварĕсене тиенĕ лав хыççăн ерипен утса пынă май, чиперкисене çаплах-ха хăйсен кăмăлне килмен утăна виткелесех пынă* [3, с. 13]; Люди, на угрюмых лицах которых, кажется, век не проскальзывала улыбка, **притопывали** ногами и вздрагивали плечами («Сорочинская ярмарка») [4, с. 40]. / *Салхуллă сăн-пичĕсенче ĕмĕрне кулă йерри палăрман çынсем те пулин, урисемпе тăпăртаттара-тăпăртаттара, хуллусийĕсене вылятнă* [3, с. 43]; С бандурой в руках, **потягивая** люльку и вместе **припевая**, с чаркою на голове, пустился старичина, при громком крике гуляк, вприсядку («Вечер накануне Ивана Купала») [4, с. 50]. / *Аллине тăмра тытрĕ тет те, чĕлĕмне паклаттара-паклаттара, ыттисемпе пĕрлех кĕвĕ каласа пуçларĕ, тет, хайхи ларса ташлама* [3, с. 59]. При использовании основы глагола без редупликации меняется форма деепричастия на *-ca/-ce* и появляется оттенок семельфактивности. Сравните: *Вăл пăкса илнĕ* / досл.: Он посмотрел, взглянул; *Вăл чĕлĕмне паклаттарчĕ* / досл.: Он трубку закурил.

К звукоподражательным словам (ономатопам) добавляется аффикс *-tat/-tet-*, с помощью которого образуется глагол, и в некоторых случаях аффикс *-tap/-tep-* со значением «заставлять»: (1) ...один [пес], стоя возле кухни и накрыв лапою кость, заливался во все горло; другой лаял издали и бегал взад и вперед, **помахивая** хвостом и как бы приговаривая: «Посмотрите, люди крещенные, какой я прекрасный молодой человек!» («Иван Федорович Шпонька и его тетушка») [4, с. 180-181]. / *Пĕр йытти кухня патĕнче, малти урисемпе шăмă çине пусса, мĕнпур вăйĕне вĕрсе ларать; тепри – аякра, унталла-кунталла чупкаласа: «Пăхăр-ха, тĕне кĕнĕ çынсем, эпĕ епле çамрăк та илемлĕскер!» тенĕ пек, хўрине вĕлтĕртеттерсе çурет* [3, с. 227]; (2) Тут черт, подъехавши мелким бесом, подхватил ее под руку и пустился **нашептывать** на ухо то самое, что обыкновенно **нашептывают** всему женскому роду («Ночь перед Рождеством») [4, с. 98]. / *Çак вăхăтра шуйттан ун патне чупса пычĕ те, хулĕнчен ярса тытса, пăйшĕлтатса каласма пуçларĕ. Палла ĕнтĕ мĕн сиччен каласни* [3, с. 121]; (3) И, проговорив такие несвязные речи, уже неслась Катерина, безумно поглядывая на все стороны и упираясь руками в боки. С визгом **притопывала** она ногами; без меры, без такта звенели серебряные подковы («Страшная месь») [4, с. 162]. / *Çапла ним йнланмалла мар каларĕ те Катерина, йсĕр пек, йери-тавра пăккаласа, ик аллине ик айккине тытса, ташлама пуçларĕ. Ихлетсех тăпăртатать вăл урисемпе; виçесĕр кĕвве пăхăнмасăр çăнклатасçĕ кĕмĕл такансем* [3, с. 202]; (4) Дед приостановился, чтобы разглядеть хорошенько. Между тем в ятках начало мало-помалу шевелиться: жидовки стали **побрякивать** фляжками; дым покатило то там, то сям кольцами, и запах горячих сластен понесся по всему табору («Пропавшая грамота») [4, с. 82]. / *Асатте, лайăхран курас тесе, чарынса тăрать. Халь ĕнтĕ шăналăк карса тунă лавккасенчи çынсем вăранма пуçлани палăрчĕ; еврей маткисем эрех кĕленчисене шăнкăртаттарма пуçларĕç, унта та кунта тĕтĕм макăланать, табор тăрăх тутлă апат-çимеç шăрши сарăлче* [3, с. 102].

Значение итеративности может передаваться описательным способом, при помощи наречий: Ну, нечего сказать, танцевать-то он танцевал так, хоть бы и с гетьманшею. Мы посторонились, и пошел хрен **вывертывать** ногами по всему гладкому месту, которое было возле грядки с огурцами («Заколдованное место») [4, с. 197]. / *Сăмах та каламалли сук ĕнтĕ, ташласа вăл пит йста ташлатчĕ, гетман майрине те ташлама пултармалла. Эпир пăранса тăтăмăр, пуçларĕ вара ватсуннă хăяр йăранĕ патĕнчи тикĕс вырăнта урисене апла та капла çавăрттарса ташлама* [3, с. 247]. В этом примере осложненно-интенсивный способ действия русского глагола передается с помощью бивербальной конструкции в сочетании с наречным выражением **апла та капла** / досл.: так и сяк. В следующем примере с процессно-комитативным глаголом *подплясывать* используется чувашское наречие, указывающее на интенсивность протекания действия *майĕпен* / досл.: слегка: ...они тихо **покачивали** охмелевшими головами, **подплясывая** за веселящимся народом, не обращая даже глаз на молодую чету («Сорочинская ярмарка») [4, с. 40]. / *...çамрăк майăр çине пăкса илмесĕр хĕрĕнкĕ пуçесене сулкаласа, савăнакан халăх хыççăн майĕпен ташлакаласа çуресçĕ вĕсем* [3, с. 44].

Таким образом, для чувашского языка характерны такие способы передачи значения итеративности, как видо-временная форма (прошедшее многократное); аналитические формы глагола (сочетание деепричастия полнозначного глагола на *-ca/-ce* и вспомогательного глагола в спрягаемой форме); редупликация основы звукоподражательных слов в форме деепричастия на *-a/-e*, аффикс повторяемости *-кала/-келе-*.

Список литературы

1. **Авилова Н. С.** Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 328 с.
2. **Андреев И. А.** Чувашский язык. Практический курс: учебное пособие. Изд-е 2-е. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2002. 295 с.
3. **Гоголь Н. В.** Диканька сывăхенчи хуторти каçсем. Панько Рудый утарса кăларнă повессем / В. Алагер, К. Никифорова, М. Рубцов, А. Кузьмин куçарнă. Чебоксары: Чăваш АССР издательстви, 1952. 256 с.
4. **Гоголь Н. В.** Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки. 319 с.
5. **Иванова А. М.** Сравнительно-сопоставительное исследование проблем морфосинтаксиса в чувашском языкознании: автореф. дисс. ... д. филол. н. Чебоксары, 2011. 45 с.
6. **Корнилов О. А.** Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: учебное пособие. Изд-е 4-е, испр. М.: КДУ, 2013. 348 с.
7. **Радбиль Т. Б.** Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта; Наука, 2013. 328 с.
8. **Сабитова З. К.** Лингвокультурология: учебник. М.: Флинта; Наука, 2013. 528 с.
9. **Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис.** Изд-е 2-е. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 348 с.
10. **Тер-Минасова С. Г.** Язык и межкультурная коммуникация. Изд-е 2-е, дораб. М.: Изд-во МГУ, 2004. 352 с.
11. **Храковский В. С.** Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. С. 5-53.
12. **Шелякин М. А.** Категория аспектуальности русского глагола. М.: ЛКИ, 2008. 272 с.
13. **Шелякин М. А.** Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2005. 296 с.
14. **Языкознание. Большой энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Ярцева. Изд-е 2-е. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
15. **Wierzbicka A.** Why Can You Have a Drink When You Can't Have an Eat? // The Semantics of Grammar. Amsterdam: J. Benjamins Pub. Co., 1988. P. 293-358.

**VERBS WITH ITERATIVE MEANING IN THE RUSSIAN AND CHUVASH LANGUAGES
(BY THE EXAMPLE OF N. V. GOGOL'S CYCLE "EVENINGS ON A FARM NEAR DIKANKA")**

Dimitrieva Olga Al'bertovna
Yakovlev Chuvash State Pedagogical University
olgaal_79@mail.ru

The article analyzes the means of delivering the meaning of repeatability, expressed by iterative verbs in the Russian and Chuvash languages. The following methods of delivering the meaning of iterative nature are typical of the Chuvash language: an aspectual-temporal form (iterative past); analytical forms of the verb (a combination of adverbial participle of the full verb ending in *-ca/-ce* and an auxiliary verb in a conjugated form); the reduplication of onomatopoeic words stem in the form of adverbial participle in *a/-e*, the affix of repeatability is *-кала/-келе-*.

Key words and phrases: linguistic world view; conceptualization of action; method of verbal action; iterative verbs; multiplicative; semelfactive.

УДК 378.095

Педагогические науки

В статье рассматривается проблема использования песен для развития социокультурной компетенции студентов неязыковых направлений подготовки в процессе изучения второго иностранного языка в неязыковом вузе. Перечислены французские песни, отобранные для данной цели автором статьи, являющимся преподавателем национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Обсуждаются этапы работы с песней и характерные для них задания.

Ключевые слова и фразы: песня; социокультурная компетенция; аудирование; задания; французский язык; неязыковые направления подготовки.

Ерыкина Мария Андреевна

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
mariakuzmen@yandex.ru*

**РАЗВИТИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
НА ОСНОВЕ ПЕСЕННОГО МАТЕРИАЛА В КУРСЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА
ДЛЯ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ©**

Музыка, как и ее самый популярный жанр – песенный, уникальна по своему воздействию на слушателя и исполнителя: она отражает культурный, общественный и личный опыт исполнителей и композиторов, является одним из средств коммуникации между людьми. Развитие информационных технологий, особенно Интернета,